

СВЕТОПИСЬ • РЕТРО-ДЕТЕКТИВ

ПОСЛЕДНЯЯ ВЫДЕРЖКА

НОВОЕ ДЕЛО ВЕРЕСОВА

Надежда Чародейская

УБИЙЦА ДУМАЛ, ЧТО НЕ ПОПАЛ В КАДР.

Надежда Чародейская

Последняя выдержка

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Последняя выдержка / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, осень 1882 года. До рассвета в ателье Вересова приносят камеру убитого фотографа Николая Ланского. Внутри — последняя не проявленная пластина и записка: «Не смотрите на комнату. Смотрите в зеркало». На стекле Вересов обнаруживает человека в сером пальто. Его лицо скрыто тенью, но на пальце блестит кольцо с расколотым щитом. Полиция уверена: тёмная комната была заперта изнутри, значит, убийца не мог уйти. Но зеркало показывает другую дверь, о которой никто не знал. Теперь Вересову предстоит найти человека с кольцом — прежде чем тот вернётся в ателье и уничтожит последнюю выдержку. «Последняя выдержка» — самостоятельная бесплатная повесть о новом деле фотографа Вересова. Классический ретро-детектив, с которого можно начать знакомство с циклом «Светопись».

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Чародейская

Последняя выдержка

Глава первая. Камера, пришедшая до рассвета

Камеру принесли в ателье Вересова до рассвета.

Она была мокрой, тяжёлой и пахла дождём, старым деревом и чем-то металлическим — так пахнут вещи, побывавшие рядом со смертью. Её поставили на стойку, не сняв с объектива чёрного колпачка, и человек, принёсший её, сразу отошёл на шаг, словно камера могла заметить, что он к ней прикоснулся.

— Господин Вересов? — спросил он.

— Сергей Ильич.

— Это вам.

— От кого?

— От покойного.

Макар, который в это время пытался разжечь печь, перестал дуть на угли и поднял голову.

— Покойный сам принёс?

— Нет, — сказал человек. — Он был занят.

Человеку было лет пятьдесят, он носил дождевик городского кучера и имел то выражение лица, какое появляется у людей, которым всю ночь пришлось возить чужую беду. Он вынул из кармана промокший конверт.

— Передали мне в половине третьего. Сказали: доставить на Аптекарский остров, в ателье «Светопись». Лично господину Вересову. Если не застану — оставить и не расспрашивать.

— Вы всё-таки расспрашивали?

— Я кучер, а не святой.

Вересов взял конверт. На нём стояло его имя, выведенное неровным, торопливым почерком. Внутри лежала короткая записка.

Сергей Ильич. Если я не успею, проявите последнюю пластину. Не смотрите на комнату — смотрите в зеркало. Человек, которого вы там увидите, скажет, что меня не знал. Не верьте ему.

Н. Ланской.

Макар подошёл ближе.

— А этот Ланской кто?

— Фотограф, — ответил кучер. — Был фотографом. Теперь, говорят, покойный.

— Где?

— На Васильевском. В собственной тёмной комнате. Дверь заперта изнутри, окно закрыто, а на полу кровь. Я бы на вашем месте не проявлял.

— Это совет или услуга?

— Это опыт. Я однажды проявил письмо, которое мне не предназначалось. Потом три месяца ездил без левой пуговицы.

— Почему?

— Потому что письмо было от жены. Пуговицу она оторвала.

Макар посмотрел на камеру с уважением.

— Может, и эту лучше не проявлять.

— Печь сначала разожги, — сказал Вересов. — У нас сегодня будет день, когда всё равно придётся смотреть.

Кучер ушёл, оставив после себя мокрые следы и запах улицы. В ателье снова стало тихо. За окнами серело утро; дождь висел в воздухе мелкой пылью, и фонари на Аптекарском острове гасли неохотно, будто им тоже хотелось узнать, что лежит внутри камеры.

Вересов снял колпачок. Камера была старой, но дорогой: складной мех, латунная оправа объектива, кожаный чехол, потёртый на углах. На корпусе имелась небольшая царапина в форме буквы V.

— Ланской делал хорошие вещи, — сказал Вересов.

— Вы его знали?

— Встречал на выставках. Он был старше, работал на Васильевском острове, снимал чиновников, купцов и людей, которые хотели выглядеть чиновниками или купцами.

— А сам кем выглядел?

— Человеком, который видел лишнее.

Макар поставил чайник.

— Вот почему его убили?

— Это одна из причин. Остальные найдём после проявки.

Он перенёс камеру в тёмную комнату. Внутри пахло коллодием, уксусом и красным светом. На стекле кассеты сидела тонкая пыль, но пластина была заряжена. Вересов вынул её осторожно, двумя пальцами за края.

На конверте, в котором она лежала, Ланской написал: «Последняя выдержка. Не доверять первому впечатлению».

— Барин, — сказал Макар из-за двери, — а что значит «последняя выдержка»?

— То, что человек долго стоял перед камерой.

— Или долго терпел.

— В фотографии это почти одно и то же.

Проявитель лёг на стекло ровным слоем. Сначала не появилось ничего. Затем из молочной пустоты проступила тёмная полоса, потом край стола, окно, красный фонарь. Изображение складывалось медленно, и Вересов, как всякий фотограф, знал эту минуту: изображение ещё не стало фактом, но уже перестало быть надеждой.

На пластине была тёмная комната.

Слева — стол с ванночками и бутылками. Справа — деревянная дверь, прикрытая не до конца. В глубине, на стене, висело овальное зеркало. Перед зеркалом стоял высокий человек в сером пальто. Он вошёл боком, словно не хотел попадать в кадр. В отражении его лицо оказалось видно лучше, чем в самой комнате: узкий лоб, тёмные волосы, поднятый воротник.

И рука.

На пальце блестело кольцо с расколотым щитом — герб был словно пересечён тонкой трещиной. Человек держал в другой руке ключ.

За его спиной отражалась дверь, ведущая в коридор. Дверь была открыта. На краю зеркала виднелась ещё одна фигура — сам Ланской, сидящий у стола. Его лицо было повернуто к человеку в сером.

Вересов перестал покачивать ванночку.

— Он не фотографировал комнату, — сказал Макар.

— Нет.

— Он фотографировал зеркало.

— И человека, который думал, что попал только в комнату.

Вересов поднёс пластину к красному свету. На нижнем краю, едва заметно, стояли цифры часов: **11:47**. Ланской, очевидно, положил карманные часы на стол, и их циферблат попал в отражение металлической рамки.

— Время, — сказал Вересов.

— Что?

— Последняя выдержка началась в одиннадцать сорок семь.

— А закончилась?

— Через сорок секунд. Дольше он бы не выдержал движения лампы.

Макар перекрестился.

— А потом его убили?

— Возможно.

— И тот человек в сером остался?

— Судя по пластине, нет. Он вышел через дверь.

— Но если он вышел, почему полиция нашла дверь запертой?

Вересов снова посмотрел на зеркало.

В его правом нижнем углу, за спиной убийцы, виднелась узкая чёрная щель. Не дверь, не тень и не складка занавески. Другой проход — маленькая служебная дверца, которую с позиции входа в комнату нельзя было увидеть.

— Потому что полиция смотрела на дверь, — сказал он. — А Ланской велел смотреть в зеркало.

В этот момент в передней комнате раздался удар.

Кто-то толкнул входную дверь с улицы. Макар вскрикнул, чайник звякнул о плиту, а Вересов быстро накрыл пластину чёрной бумагой.

В ателье вошла молодая женщина в тёмном платье. На её плечах блестели дождевые капли, лицо было бледным, но взгляд — слишком прямым для человека, который приехал просить помощи.

— Господин Вересов? — спросила она.

— Да.

— Я Марья Ланская. Племянница Николая Антоновича.

Она посмотрела на камеру, потом на красную дверь тёмной комнаты.

— Вы уже проявили пластину?

— Кто вам сказал, что она существует?

— Дядя.

— Он успел вам написать?

— Нет. Он успел только сказать: «Если не вернусь, ищи фотографа, который не боится стекла».

Марья сняла мокрые перчатки. Пальцы у неё дрожали, но голос оставался ровным.

— Его убили ночью. Полиция говорит, что это мог быть несчастный случай. Будто он упал на край стола. Но я видела кровь. И дверь была заперта.

— Изнутри?

— Да.

— Кто нашёл тело?

— Партнёр дяди, Павел Громов. Он сказал, что приехал утром, потому что Николай Антонович не явился в мастерскую.

— Партнёр носит кольцо с расколотым щитом?

Марья подняла голову.

— Откуда вы знаете?

Вересов снял чёрную бумагу с пластины, но не подал её ей.

— Вы видели это кольцо раньше?

— У Громова на правой руке. Он говорит, что это семейная вещь.

Макар тихо сказал:

— На стекле оно тоже семейное.

Марья подошла ближе. Вересов повернул пластину так, чтобы красный свет не бил ей в глаза. Она увидела комнату, зеркало и человека в сером пальто.

На несколько секунд лицо её стало совершенно пустым.

— Это он, — сказала она.

— Кто?

— Громов.

— Вы уверены?

— Он носит серое пальто. Он всегда поднимает воротник, когда выходит на улицу. И это кольцо... — Она коснулась губ. — Но он сказал, что не приходил к дяде ночью.

— Он мог сказать неправду.

— Зачем дядя фотографировал его?

— Возможно, не его. Возможно, зеркало.

За окном остановился экипаж. Марья вздрогнула, будто узнала звук колёс.

— Он знает, что камера у вас? — спросил Вересов.

— Я не говорила.

— А кто мог знать?

Марья посмотрела на чёрный футляр.

— Только кучер. И тот, кто отправил камеру.

Дверь ателье снова открылась, но на этот раз никто не вошёл. На мокром тротуаре стоял мужчина в сером пальто. Он не поднимал воротник: лицо его было хорошо видно.

На правой руке блестело кольцо с расколотым щитом.

Он посмотрел на окно ателье, затем на красный фонарь за стеклом и медленно ушёл в дождь.

Вересов поставил пластину в футляр.

— Макар, закрой ставни.

— А если он вернётся?

— Тогда не будем заставлять его ждать.

Марья сжала перчатки в руках.

— Господин Вересов, вы можете мне узнать, кто убил дядю?

Вересов посмотрел на камеру Николая Ланского. Внутри неё оставался ещё один кусок стекла — маленький, не проявленный, спрятанный за перегородкой кассеты.

— Помогу, — сказал он. — Но сначала нам придётся выяснить, что именно ваш дядя успел снять перед смертью.

За дверью уже исчезал человек с кольцом. В тёмной комнате красный свет падал на закрытую кассету, а за стеной Макар торопливо задвигал ставни.

Последняя выдержка ещё не закончилась.

Глава вторая. Зеркало помнит больше

У Николая Антоновича Ланского была студия на Среднем проспекте, в доме с облупившимися львами у ворот. Львы давно потеряли выражение свирепости и смотрели на прохожих с усталой покорностью. Пузырёв сказал, что это единственные петербургские львы, которых он понимает.

— Они тоже дежурят у чужого имущества, — пояснил он. — И тоже знают, что имущество всё равно пропадёт.

К студии приехали втроём: Вересов, Макар и Пузырёв. Марья Ланская уже ждала их у двери. Она не спала всю ночь и выглядела спокойнее, чем вчера; иногда человек устаёт бояться и переходит к делу.

— Тело увезли, — сказала она. — Но ничего не трогали.

— Ничего? — переспросил Пузырёв.

— Почти ничего. Полицейские осмотрели комнату, записали вещи и ушли.

— Значит, осталось самое интересное.

— У нас всегда остаётся самое интересное, — сказал Макар.

Пузырёв бросил на него взгляд.

— Не обобщай. У меня, например, осталось только раздражение.

Студия Ланского состояла из приёмной, павильона и тёмной комнаты. На стенах висели портреты: купцы в сюртуках, барышни с высокими причёсками, чиновники с лицами, которые одинаково хорошо подходили и для награды, и для выговора. Ланской умел снимать людей так, чтобы они казались значительнее собственной жизни. Это была полезная услуга, и за неё хорошо платили.

Тёмная комната находилась за тяжёлой дверью. Замок был простой, с пружинной защёлкой. Если дверь захлопнуть, она запиралась сама.

— Ключ нашли? — спросил Вересов.

— На полу, возле стола, — ответила Марья. — Внутри.

— А запасной?

— У Громова.

Пузырёв остановился.

— Почему у партнёра был запасной ключ?

— Они вместе владели студией.

— Очень удобно. Когда в доме два хозяина, один всегда может сказать, что другой сам заперся.

В комнате оставался слабый запах карболки и мокрой шерсти. У стены стоял стол, на нём — ванночки, флаконы, пачки бумаги. В углу помещалась большая камера на треноге. Её объектив был направлен не на стол и не на дверь, а на овальное зеркало, висевшее над полкой.

— Вот она, — сказал Вересов.

Макар вошёл следом и сразу остановился.

— Здесь всё меньше, чем на фотографии.

— На фотографии всегда больше, — ответил Вересов.

— Почему?

— Потому что фотография не знает, что в комнате считают важным.

Вересов подошёл к зеркалу. На раме не было пыли — её недавно протирали. В левом нижнем углу блестела тонкая царапина. Он приложил к ней палец, затем посмотрел на камеру.

— Экспозиция шла отсюда, — сказал он. — Ланской стоял у стола. Человек вошёл через дверь. Сам он оказался в отражении.

— И вышел через ту же дверь? — спросил Пузырёв.

— Нет.

Вересов отодвинул тяжёлую занавеску возле полки. За ней обнаружилась узкая дверь, почти сливавшаяся с деревянной обшивкой.

— Служебный проход, — сказала Марья. — Я не знала, что он открывается.

— Потому что с этой стороны он запирается задвижкой, — сказал Вересов. — А снаружи ведёт во двор.

Пузырёв заглянул в щель и поморщился.

— Пролезет только худой человек.

Макар посмотрел на него.

— Или очень виноватый.

— Макарка, если ты ещё раз оценишь мою фигуру как улику, я отправлю тебя работать в архив.

— Там пыльно.

— Вот именно.

Вересов проверил задвижку. На металле остался серый волокнистый след — кусочек ткани. Он положил его в бумажный пакет.

— Человек в сером пальто выходил через эту дверь, — сказал он. — Поэтому основная дверь осталась запертой изнутри. Убийца надеялся, что все будут смотреть на замок.

— А вы смотрите на зеркало, — сказала Марья.

— Ваш дядя хотел, чтобы смотрели.

На нижней полке камеры лежала коробка с пластинами. В ней недоставало двух стекол. Одно было в футляре, который доставили Вересову. Второе — исчезло.

— Что на нём? — спросил Пузырёв.

— Не знаю. Дядя уносил его с собой в последний вечер.

Марья подошла к столу.

— Он сказал, что должен сделать ещё один снимок. Я спросила кого. Он ответил: «Человека, который не любит, когда его видят». Я решила, что это шутка.

— Николай Антонович часто шутил?

— Нет. Поэтому я и не поняла.

На столе лежала раскрытая тетрадь. Последняя запись была сделана торопливо:

Г. требует уничтожить пластину. Слишком поздно. Копия у меня. Если со мной что-то случится, искать в шкафу с рамами. Не доверять его спокойствию.

Буква «Г» могла означать Громова, но могла быть и началом любого другого слова. Вересов перелистнул тетрадь. В предыдущих записях встречались номера заказов, фамилии клиентов и суммы. Несколько строк были вырваны.

— Что Ланской снимал для Громова? — спросил он.

— Портреты, — сказала Марья. — Иногда копии документов.

— Каких документов?

— Договоров, расписок, завещаний. У них была общая контора при студии. Громов занимался клиентами, дядя — снимками.

Пузырёв поднял листок.

— А это что?

Под тетрадью лежал обрывок бумаги с тремя фамилиями и одинаковой пометкой: «подпись изменена». Рядом стояли суммы.

— Фальшивые документы, — сказал Вересов.

— Или очень настоящие, — возразил Пузырёв. — Пока не проверим, бумага ничего не знает.

— Зато Ланской знал.

В дверь постучали.

На пороге стоял Павел Громов. Он был одет в серое пальто, поднятое до подбородка, и выглядел человеком, который привык входить в комнаты первым, а выходить последним. На правой руке блестело кольцо с расколотым щитом.

— Марья Николаевна, — сказал он, — я узнал, что вы приехали. Хотел предложить помощь.

Пузырёв встал между ним и столом.

— Помощь нам уже предложили.

— Кто?

— Покойный. В виде тетради.

Громов бросил взгляд на бумагу, но лицо его не изменилось.

— Николай Антонович был расстроен. В последние дни он плохо спал.

— А вы хорошо? — спросил Макар.

Громов посмотрел на него.

— Кто этот мальчик?

— Человек, который спрашивает раньше, чем успевает испугаться, — сказал Вересов.

— Значит, ученик фотографа.

— Именно.

— Я был партнёром Николая Антоновича. Если вам нужен доступ к счетам, я готов открыть контору.

— Нам нужен доступ к вашему пальто, — сказал Пузырёв. — На нём нет следов крови?

Громов медленно улыбнулся.

— Разумеется, нет.

— Вы уже проверяли?

— Я знаю, что на мне.

— Уверенные люди часто знают слишком много заранее.

— Я не понимаю ваших намёков.

— Это не намёки, — сказал Вересов. — Это пока только вопросы.

Он вынул из футляра копию пластины и поставил её под свет, не давая Громову подойти. В зеркале появился человек в сером пальто. Лица почти не было видно, зато кольцо было отчётливо.

Громов смотрел на изображение несколько секунд.

— Это мог быть кто угодно.

— У кого есть такое же кольцо?

— У многих.

— С расколотым щитом?

— Это семейный герб.

— Ваш герб?

— Да.

— Значит, на пластине человек с вашим гербом.

— Значит, кто-то мог украсть моё кольцо.

— Вместе с рукой?

Громов поднял взгляд.

Вересов увеличил изображение. В отражении рука человека в сером лежала на краю стола. На указательном пальце был тонкий белый шрам, пересекающий сустав. У Громова такой же шрам виднелся сейчас — от основания пальца до ногтя.

Марья тихо сказала:

— Павел Григорьевич, вы говорили, что вчера не приходили.

— Я и не приходил.

— Но это ваше пальто.

- Серое пальто есть у половины города.
- А такое кольцо — у одной семьи, — сказал Вересов.
- Вы строите обвинение на отражении.
- Я строю вопрос. Обвинение построит следователь.

Громов перевёл взгляд на камеру.

— Николай Антонович был жив, когда я ушёл. Он собирался закрыть студию и идти домой.

- Во сколько вы ушли?
- Около десяти.
- Куда?
- В контору.
- Почему не домой?
- У меня были дела.
- Какие?
- Частные.
- Связанные с подписями на документах? — спросил Пузырёв.

Громов впервые посмотрел на него с настоящей неприязнью.

- Вы нашли обрывок бумаги.
- Мы нашли много чего. Это обязанность полиции.
- Тогда выполняйте её, а не устраивайте театр.
- Театр у вас в зеркале, — сказал Вересов.

Громов направился к двери.

- Я буду у себя. Если понадобится, вызовите.
- Вы понадобится, — ответил Пузырёв.

Когда дверь за ним закрылась, Марья подошла к окну.

- Он лжёт.
- Откуда вы знаете?
- Дядя говорил, что Громов всегда гладит кольцо большим пальцем, когда нервничает.

Сейчас он делал это под карманом.

Макар присвистнул.

- Значит, у кольца есть свидетель.
- У всего есть свидетель, — сказал Пузырёв. — Только свидетели обычно молчат, пока их не спросишь.

Вересов вернулся к шкафу с рамами. За задней стенкой, среди деревянных планок, обнаружился узкий конверт. В нём лежала фотографическая копия страницы из нотариальной книги. Подпись клиента была воспроизведена идеально, но дата изменена. Ниже стояла пометка Ланского: «Громов берёт деньги за копии. Но настоящая подпись исчезает».

- Он подделывал подписи, — сказала Марья.
- И продавал людям новые документы вместо старых.
- Дядя хотел разоблачить его.
- Поэтому Громов пришёл ночью.

Пузырёв взял копию двумя пальцами.

- У нас есть мотив, кольцо, пальто и служебная дверь. Но нет признания.
- Признание придёт, — сказал Вересов.
- Откуда такая уверенность?
- Громов видел пластину. Он знает, что лицо можно увеличить.
- А можно?
- Лицо — нет. Страх — да.

Вечером Вересов отправил Громову короткую записку:

Павел Григорьевич. Я сумел проявить второй участок пластины. В зеркале различается лицо. Завтра утром отдам снимок полиции.

С. Вересов.

В действительности второго участка на пластине не существовало. Но существовало то, что было сильнее фотографии: человек, знающий, что его увидели.

Ночью Вересов вернулся в ателье один. Макар уже запер ставни и проверил дверь.

— Он придёт? — спросил мальчик.

— Если виновен.

— А если не виновен?

— Тогда придёт днём и будет возмущаться.

— А если очень умный?

— Тогда придёт ночью и сделает вид, что просто ошибся дверью.

Вересов поставил на стол чистый лист стекла, рядом положил копию пластины и погасил обычный свет. В красной комнате стало тихо.

За дверью в переулке хрустнул гравий.

Макар сжал кулаки.

— Барин.

— Я слышу.

В замке повернулся ключ.

На этот раз фотография была готова заранее. Оставалось дожидаться человека, который поверит, что её можно уничтожить.

Глава третья. Лицо в последнем свете

Ключ повернулся в замке медленно, без нажима. Человек за дверью знал, что делает, и не хотел разбудить тех, кого в ателье не было.

Макар сидел за ширмой, прижавшись спиной к стене. Пузырёв находился в соседней комнате и заранее предупредил, что если его заставят долго стоять на цыпочках, он сочтёт это превышением полномочий со стороны собственного расследования.

Вересов стоял у стола. Перед ним лежала копия пластины, увеличенная настолько, чтобы на ней можно было различить человека в зеркале. Лицо оставалось в тени, но кольцо блестело. Рядом лежал чистый лист стекла — приманка для того, кто пришёл уничтожать доказательства.

Дверь открылась.

Вошёл Павел Громов.

Он снял перчатки, положил их на ладонь и оглядел комнату. Серого пальто на нём не было; поверх костюма он накинул чёрный плащ. Рука с кольцом была спрятана в кармане.

— Вы оставили дверь открытой, — сказал он.

— Вы нашли её закрытой.

— Замок был не заперт.

— Значит, кто-то позаботился.

— Возможно.

Громов прошёл к столу. Красный свет сделал его лицо старше, чем днём. Он выглядел не испуганным, а раздражённым — так выглядит человек, у которого отняли не свободу, а удобство.

— Вы писали, что нашли лицо.

— Нашёл.

— Где?

— В зеркале.

Вересов снял чёрную бумагу с пластины. Громов наклонился. В увеличенном изображении проступил его собственный силуэт: узкое плечо, поднятый воротник, рука с кольцом, бледный шрам на суставе.

— Это не лицо, — сказал он.

— Для вас достаточно.

— Фотография может искажать.

— Люди тоже. Но стекло делает это реже.

Громов взял пластину за край.

— Вы не имеете права хранить её.

— Почему?

— Она принадлежит студии Ланского.

— Студия принадлежит Марье Ланской.

— Пока не установлено иное.

— Вы уже распределяете имущество?

— Я защищаю дело, которое мы создавали вместе.

— Вы защищаете счета.

Громов посмотрел на него. В эту секунду его лицо потеряло учтивость, и под ней показалось настоящее — сухое, усталое, сжатое страхом.

— Вы ничего не понимаете в делах.

— Я понимаю в снимках.

— Снимок не говорит, кто держал в руке оружие.

— Зато он говорит, кто был в комнате.

— В комнате могли быть десятки людей.

— В комнате Ланского были двое: он и человек в сером. На снимке один человек. Второй — вы.

Громов усмехнулся.

— Вы думаете, этого хватит для суда?

— Для суда — нет. Для того, чтобы вы пришли ночью и попытались уничтожить пластину, — достаточно.

Громов резко схватил чистое стекло.

— Это не та пластина.

— Вы ожидали другую?

Он замер.

За ширмой Макар перестал дышать. В соседней комнате слышалось лёгкое движение: Пузырёв приготовился.

— Вы заманили меня, — сказал Громов.

— Вы пришли сами.

— Вы написали, что нашли лицо.

— Вы поверили.

Громов поднял руку и ударил стеклом о край стола. Пластина треснула, но не рассыпалась. В тот же миг из-за ширмы выскочил Макар, а Пузырёв ворвался через боковую дверь.

— Не двигаться! — крикнул пристав.

— Это уже говорили, — заметил Вересов.

— Я знаю. Но в первый раз это было до того, как он разбил улику.

Громов отступил. Пузырёв держал его за плечо, Макар перехватил руку с кольцом.

— Отпустите, — сказал Громов. — Вы не можете арестовать меня из-за стекла.

— Из-за стекла — нет, — сказал Пузырёв. — Из-за ночного проникновения, попытки уничтожить улику и нападения на ученика — уже могу.

— Он сам бросился на меня.

— Я не бросался, — возразил Макар. — Я был за занавеской.

— Тем более. Значит, вы знали, что за занавеской кто-то есть.

Громов перевёл взгляд на Вересова.

— Это вы всё устроили.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы человек, который утверждал, что не был у Ланского, пришёл ночью уничтожить изображение человека, похожего на него.

— Похожего? — Громов засмеялся. — Вы только что сами признали, что лицо не видно.

— Лицо — нет. Но зеркало показало всё остальное.

Вересов поставил на стол настоящую пластину.

— На первой пластине видно отражение комнаты. На её краю — служебная дверца. Вы открыли её, когда входили. На металле остался кусок ткани от вашего серого пальто. Вторая улика — кольцо. Третья — шрам на пальце. Четвёртая — ключ от сейфа, который вы забрали у Ланского.

— Ключа у меня нет.

— Вы спрятали его не у себя. Он лежит в шкафу с рамами.

Громов резко посмотрел на шкаф.

Этого движения хватило Пузырёву.

— Вот теперь стало интереснее, — сказал он.

Макар улыбнулся.

— Барин, а он опять посмотрел туда, куда не надо.

Вересов открыл шкаф. За рамами, между двумя листами картона, лежал небольшой латунный ключ. На его бородачке темнела кровь.

Громов закрыл глаза.

— Ратманов... — начал он и осёкся.

— Не Ратманов, — сказал Вересов. — Ланской.

— Я устал.

— Усталость иногда путает фамилии. Вина — тоже.

Громов опустил на стул. Руки его, ещё недавно аккуратно застёгнутые, теперь лежали на коленях. Большой палец машинально гладил кольцо с расколотым щитом.

— Николай Антонович собирался уничтожить мою жизнь, — сказал он.

— Он собирался передать полиции документы.

— Документы были не его.

— Деньги тоже были не ваши.

Громов поднял глаза.

— Вы не понимаете, как это устроено. Людям нужны подписи. Им нужны копии, справки, подтверждения. Они платят за то, чтобы бумага говорила нужное. Я давал им возможность жить дальше.

— Вы меняли подписи.

— Я исправлял ошибки.

— Вы брали деньги за чужие наследства.

— Я брал плату за риск.

— Ланской узнал.

— Он всегда думал, что фотография делает его умнее остальных. У него были пластины, записи, копии. Он сказал, что утром пойдёт к следователю. Я попросил его подождать.

— И он согласился?

— Он засмеялся.

Громов сжал губы.

— В одиннадцать сорок семь он зарядил камеру. Сказал, что сделает последний снимок — для меня. Я вошёл через главную дверь. Он стоял у стола и держал в руках копию договора. Он уже всё понял.

— Вы ударили его?

— Я хотел забрать пластины.

— Это не ответ.

— Он бросился на меня. Я толкнул его. Он ударился о край стола.

— А потом?

— Потом я увидел кровь. Он ещё дышал. Я мог позвать врача.

— Но не позвали.

— Я испугался.

— И заперли дверь.

— Я вышел через служебный проход. Дверь закрыл снаружи задвижкой. Камеру забрал, потому что в ней была пластина. Я не знал, что он успел сделать снимок.

— Он успел.

— Да.

Громов посмотрел на стекло.

— Откуда вы узнали про зеркало?

— Из его записки.

— Он написал вам?

— Он знал, что вам нельзя доверять спокойствию.

Вересов не стал задавать следующий вопрос. У каждого дела своё лицо, и не следует приносить в новое старые имена.

Пузырёв достал из кармана наручники.

— Павел Григорьевич Громов, вы задержаны.

— За убийство?

— За убийство, подделку документов, хищение и попытку уничтожить доказательство.

Если желаете, могу добавить проникновение в чужую тёмную комнату. Для полноты картины.

Громов протянул руки.

— Я не убивал его намеренно.

— Намерение обсудите с судом. Я отвечаю только за то, чтобы вы до него дошли.

Когда Громов ушёл, Макар подобрал треснувшую копию.

— Барин, а почему он не разбил настоящую?

— Потому что думал, что держит её.

— Значит, он поверил в пустое стекло.

— Он поверил в то, чего боялся.

Утром Марья Ланская пришла в ателье. Пузырёв уже сообщил ей о признании. Она долго смотрела на камеру дяди, стоявшую на столе.

— Студию закрывать? — спросила она.

— Это решать вам.

— Я ничего не понимаю в фотографиях.

— Ваш дядя понимал.

— Он говорил, что камера похожа на человека. Если смотреть только прямо, ничего не увидишь. Надо знать, где у неё слабое место.

— Он был прав.

Марья подняла пластину.

— Здесь он ещё жив.

— Да.

— А тот человек уже стал убийцей?

— В этот момент он ещё мог им не становиться.

— Значит, фотография не показывает будущее.

— Она показывает момент. Будущее человек добавляет сам.

Марья кивнула и аккуратно убрала пластину в футляр.

— Я оставляю студию. Дядя не хотел, чтобы Громов получил её.

— Тогда поставьте новую вывеску.

— Какую?

— «Фотография Марьи Ланской». А старое имя оставьте внутри. Хорошие имена не обязаны исчезать вместе с плохими людьми.

После её ухода Макар начал разбирать стол. Он нашёл под ванночкой маленький кусок стекла и поднёс его к свету.

— Барин, это тоже улика?

— Нет. Это осколок.

— Откуда знаете?

— Улики обычно не режут пальцы, если лежат спокойно.

Макар спрятал палец за спину.

— Я не порезался.

— Разумеется.

— Просто стекло меня проверяло.

Вересов посмотрел на камеру Ланского. В ней больше не было пластины, но оставался след последней выдержки — тонкая царапина возле кассеты, будто сам аппарат запомнил, как торопились руки.

Он записал в журнал: «Последняя выдержка. Камера возвращена. Лицо найдено в зеркале».

Макар заглянул через плечо.

— Барин, вы теперь все дела будете так записывать?

— Только те, где люди считают, что их не видно.

— А если человек просто некрасиво вышел на снимке?

— Тогда виноват фотограф.

— А если красиво?

— Тогда виноват человек.

За окном начинался октябрь. На мостовой блестела вода, извозчики спорили, фонари зажигались раньше времени. В ателье пахло мокрой шерстью, стеклом и новым коллодием.

Через несколько дней на пороге появился купец Полуянов с семьёй и заказал большой портрет.

— Нас будет шестеро, — сказал он.

Вересов поднял взгляд от журнала.

— Проследите, чтобы все явились.

— А что может случиться?

Вересов посмотрел на чистую пластину.

— Иногда снимок знает о семье больше, чем сама семья.

Макар расставил стулья. Красный свет загорелся в тёмной комнате. За стеклом начиналась новая история — и на этот раз в кадре должен был появиться человек, которого в павильоне не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.